

ПИСЬМА К ЕВД. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ

Публикация Я. Черняка

В 1939 г., одновременно с рукописью стихотворений «Buch der Liebe», посвященных Евд. В. Сухово-Кобылиной, в Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР поступил и были переданы впоследствии в Институт русской литературы АН СССР автографы трех писем Огарева к ней же. Два из них написаны в 1842 г.: первое — 14—17 июня ст. ст. из Петербурга, за три дня до отъезда Огарева за границу; второе — 22 июля н. ст. из Карлсбада, после того как, совершив трехнедельное путешествие по городам Германии, Огарев прибыл на воды для лечения. Третье письмо написано два года спустя, 1 июня н. ст. 1844 г., из Берлина.

Кроме указанных трех писем в настоящей публикации воспроизводятся еще два письма из Берлина, подготовленные нами к печати при участии Ю. А. Красовского — от 14 октября н. ст. 1844 г. и 8 января н. ст. 1845 г. Подлинники хранятся в Центральном государственном литературном архиве.

Публикуемые письма интересны не только тем, что они освещают малоизвестную сторону биографии Огарева. Они свидетельствуют также о круге его умственных интересов и занятий в начале сороковых годов.

Огарев говорит в них о Пушкине, о Гёте, о своем отношении к романтизму Шиллера, о Дрезденской картинной галерее; говорит о том, что после долгих блужданий нашел, наконец, истинную сферу своей деятельности — художественное творчество; выражает характерные для него в 1842—1843 гг. сомнения в объективной ценности его стихов.

Об адресатке писем — Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной, «Душеньке», об увлечении ею, пережитом Огаревым, мы подробнее говорим в другом месте настоящего тома (см. выше комментарий к «Buch der Liebe»). Огарев не делился ни с кем из друзей, даже с Герценом, своим чувством и сохранил его в тайне от самой Евд. В. Сухово-Кобылиной (обращенные к ней стихи стали известны ей лишь после смерти Огарева). Эта утаенность «мечтательной любви» к «Душеньке» подтверждается и публикуемыми письмами. Они носят дружеский характер. Отдельные прорывающиеся признания не нарушают характера дружбы и не уничтожают колорита разносторонней и чистосердечной беседы, которую ведет Огарев со своей корреспонденткой.

До нас не дошли ни ответные письма Евд. В. Сухово-Кобылиной, ни другие письма Огарева к ней. Без сомнения, их было еще несколько (впрочем, не думаем, чтобы Огарев писал ей часто).

Печатаемые письма являются своего рода комментарием к публикуемому выше циклу стихов Огарева «Buch der Liebe». Уже по одному этому они заслуживают внимания.

Но письма содержат в себе также некоторые подробности, имеющие более широкий общественно-исторический и историко-литературный интерес. Мимоходом Огарев рассказывает о своей поездке в Новгород к Герцену, в конце мая 1842 г., и о том, как Герцен переносит ссылку (письмо от 14—17 июня). Этим же письмом устанавливается, что, вернувшись из Новгорода в Петербург, накануне отъезда за границу, Огарев прожил один или два дня у Белинского.

Разговоры в Новгороде с Герценом и в Петербурге с Белинским в то время не могли не коснуться темы, одинаково существенной для всех троих: только что выпешей в свет книги Гоголя «Мертвые души» и споров, которые возникли в связи с этой книгой.

11 июня Герцен занес в свой дневник следующее: «Он <Огарев> привез „Мертвые души“ Гоголя, — удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную силы национальность <...> Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле; и там, и тут одно утешение в вере и в уповании на будущее. Но веру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упование

ins Blaue *, а имеет реалистическую основу: кровь как-то хорошо обращается у русского в груди <...> Но всё это ни одной востой не уменьшает горечь жизни» (III, 29). Белинский же как раз в те дни, когда у него жил Огарев, работал над своей первой статьей о «Мертвых душах». Давая в публикуемом письме резко отрицательную характеристику окружающей действительности («куда ни обернусь, об чем ни подумаю, от всего так тяжело становится, что глаз не затворишь»), Огарев тем самым отразил атмосферу только что закончившихся бесед.

Нет нужды подробно напоминать здесь о первом выступлении Белинского по поводу «Мертвых душ». Мы хотим лишь указать, что, говоря о великом «творении чисто русском, национальном, выхваченном из тайника народной жизни, столько же истинном, сколько и патристическом, беспощадно сдергивающем покров с действительности», Белинский перекликается с Герценом и Огаревым (В. Г. Б е л и н с к и й. Соч. под ред. С. А. Венгерова, т. VII. СПб., 1914, стр. 253).

Берлинские письма 1844—1845 гг. представляют также большой интерес, заключая в себе новые данные для характеристики развития мировоззрения Огарева в конце периода его «заграничных скитаний» 1841—1845 гг. Окончательно расставшись в конце 1844 г. с Марьей Львовной, Огарев углубился в научные занятия. В кругу его интересов в это время немецкая философия, в особенности критика Гегеля, естественные науки и медицина, экономическое положение Европы, в частности положение финансовой системы в ряде европейских стран.

В своем идейном развитии Огарев именно в это время окончательно порывает с идеализмом и романтизмом. Становясь материалистом и атеистом, Огарев все резче и определеннее, сперва в письмах к друзьям, а затем, по возвращении в Россию, и непосредственно — в «кружке» Герцена, выступает в качестве сторонника полного разрыва со всякими романтическими иллюзиями, с либерализмом и идеализмом в сфере общественно-политической жизни, с эстетикой «бесполезного», с религиозными «представлениями и привидениями», как он выражается в последнем из публикуемых писем.

В сфере поэтического творчества эти же годы отмечены уходом от романтической и любовной лирики в область «объективного» творчества. Огарев задумывает и пишет ряд произведений: драматическую поэму, драму, повесть, которые не дошли до нас (нам известны из этих произведений лишь две неопубликованные главы повести «Гулевой», написанные в 1843 г. под непосредственным влиянием «Мертвых душ» Гоголя). Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что эти произведения (по всей вероятности они не были окончены) знаменовали перелом в творчестве Огарева — его приход к реализму, к реалистической поэзии мысли. Об этом отчетливо свидетельствует ряд реалистических стихотворений, поэм, повестей в стихах, написанных Огаревым в 1846—1849 гг., т. е. в первые же годы после возвращения в Россию.

Публикуемые письма 1844 г. написаны в самый критический период духовного и творческого развития Огарева. Они поэтому заслуживают пристального внимания. Настроение Огарева в этот период отразилось в них с большой отчетливостью и прямотой.

1

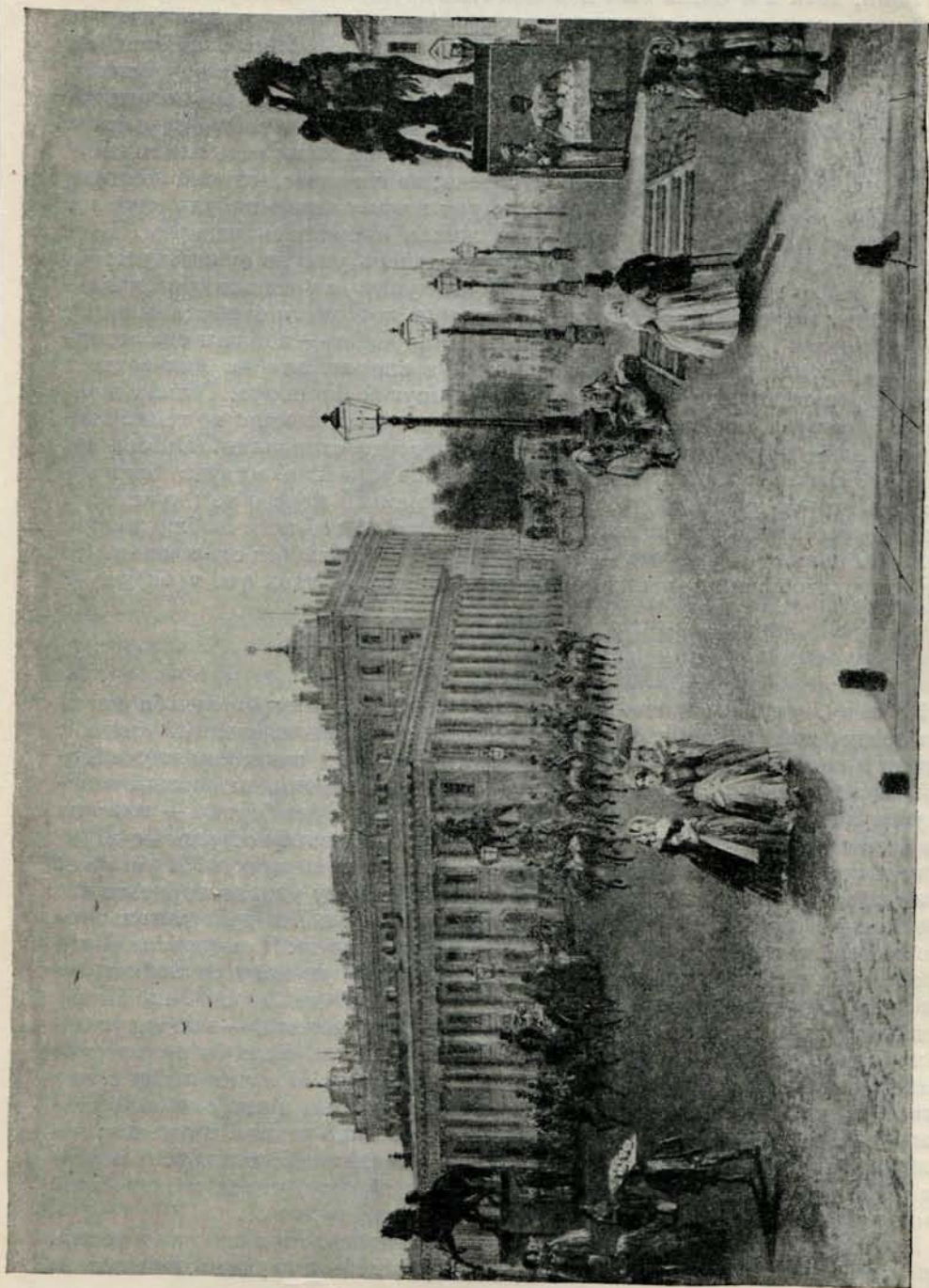
Павловск. Июня 14 <1842 г.>

Primo** — извините, что я пишу по-русски, — привычка к языку мне дает больше простора, пишу без обдумываний и остановок, что в голову придет. Это вас не обязывает писать ко мне тоже по-русски. Пишите на каком хотите диалекте — только пишите.

Я приехал в Петербург позже, нежели думал. Прихожу на почту — письмо от вас. Спасибо вам — вижу, что вы человек добрый и сострадательный. Мне как-то легче стало существовать, когда швейцар вынул пакет из своего шкафа и подал мне, и я увидел, что вы меня не обманули. Вот уже три дня прошло с тех пор; я читал и перечитывал ваше письмо и, наконец, пишу к вам. С первых строк ваших я живо представил себе, как

* на голубую даль (нем.).

** Во-первых (итал.).

ПЕТЕРБУРГ. НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ У АНИЧКОВА ДВОРЦА

Анварель В. С. Садовникова, 1851 г.

Эрмитаж, Ленинград

вы сидите одна за полночь и вас тревожит фантастическая робость, а вы пишете, исполняя данное обещание, и мне стало жаль, что вы тревожились ради меня, хотя я и очень был доволен этим дружеским поступком. На 3-й странице вашего письма я нашел, что граф¹ вам привез дурные вести о брате² и вы боитесь, что впереди вам будет много горя. Мне кажется, не будет. Зачем судьбе посылать вам горе? Судьба обязана заботливо служить вам, а не печалить вас; по крайней мере так мне кажется. И вы жалуетесь на жизнь! Конечно, я не рассмеялся при этой жалобе, да и вы наперед были уверены, что я не рассмеюсь. Но не жалуйтесь на жизнь; есть много светлых минут, которые искупают всю ее горечь; не говорите, что она не стоит ни копейки; если вы один раз в жизни чувствовали какое-нибудь глубоко человеческое чувство, то и тогда уже жизнь прожила недаром. Был один человек, которого я много любил, он теперь уже не существует; он был поэт с нравом тихим, вечно страждущею душою, а внешние обстоятельства никогда не улыбались ему в продолжение короткого существования³. Мир его праху! Он когда-то написал стихотворение — вот вам его содержание, стихов я не помню: два художника спорят, кто из них создаст лучшее произведение; один изваял Венеру, другой Лаокоона. Толпа с жадностью бросилась смотреть на Венеру, не замечая Лаокоона; но гений земли восстал — потребовал должной дани красоте страдания. *Dulden ist göttlich**. Вы этому не верите. А это так: даже в каждой минуте блаженства есть что-то мучительно грустное; по крайней мере я так чувствую; может, оттого, что не знаю полного блаженства. А все-таки люблю жизнь; а если бы пришлось умереть — я умер бы без страха и без сожаленья. Но я не верю, чтоб жизнь ваша могла быть горька. *Je veux que v(ou)s ayez tort***.

И дай бог, чтобы все печали

Шли мимо вас бы далеко...⁴

Не хочу, чтоб вы когда-нибудь испытали горе, которое судьба насыщает извне, горе оскорбительное, где виден один бессмысленный случай; а ничего нет оскорбительнее как существовать под влиянием случайностей, от которых не убережешься; это какой-то камень, падающий человеку на голову чёрт знает откуда. Но вас судьба будет беречь — или она еще бессмысленнее, чем я думаю. Я вам только позволяю страдать с Шиллеровой *Sehnsucht****, страдать желанием чего-то прекрасного. Я устарел; я уже не могу симпатизировать с Шиллером⁵, не могу удовлетвориться его стремлением *ins Blaue*****; дайте мне жизни реальной и действительного блаженства, вот здесь, а не *jenseits******, не там где-то. Я смотрю на Шиллера как на прекрасного юношу, которого люблю, не могу не любить, но для которого я ужасно стар. Но когда вы говорите, что хорошо было бы так читать его с вами на берегу реки, на вашем любимом месте, — мне вдруг так стало больно, что этого не случилось. Мне так хорошо было бы помолодеть с вами, опять уйти в какое-то чудесное сновидение. И зачем я так скоро уехал? куда спешу? Зачем отказался от наслаждения, когда оно было возможно? Не знаю. Мне показалось, что мне надо было уехать, и я уехал; это было оскорбительно глупо, но я уехал — и сожаление бесплодно. А между тем часто думаю, что мне у вас было бы так хорошо, что я, может быть, отдохнул бы от того, что в жизни так нестерпимо горько...

Вы, может быть, спросите, что же со мной случилось, с тех пор как я уехал. Я прожил несколько времени у старого друга⁶. И он страдает под гнетом

* Страдание божественно (нем.).

** Я хочу, чтобы вы ошиблись (франц.).

*** тоскою (нем.).

**** в голубую даль (нем.).

***** по ту сторону (нем.).

обстоятельств несмотря на его обычную веселость. Потом приехал в Петербург и переехал в Павловск в ожидании парохода. Здесь я неистово хохочу.

Веселость это или только закружение — сами рассудите. Этот минутный выход из скорби не удовлетворяет. У меня один выход: искусство. Тут является во мне живая деятельность. Много планов в голове, много уже начатого, рука просится к перу, перо к бумаге.

Spät erklingt, was früh erklang.
Glück und Unglück wird Gesang *¹.

Вы мало знаете Goethe. Почитайте его; может быть, этот всеобъемлющий дух займет вас. Прочтите *Wahlverwandschaften*⁸ в мое воспоминание. А жаль, что я с вами не перечел *Wallenstein*⁹. Тут уже действительные люди и действительная жизнь. Кстати, вы так мне натвердили Тогенбурга, что я беспрерывно пою на разные голоса

Ritter, treue Schwesterliebe etc.... **¹⁰

Хочу сегодня ездить верхом. Но по здешней гладкой стороне это не так весело как у вас; да и поеду-то *einsam mit meinen einsamen Gedanken*^{***}. Хорошо, что вы прогулки верхом поставили в главе всех удовольствий. Знаете ли что: жизнь, которая живет, гораздо занимательнее книги.

Вчера я был в Царском селе. Что за сад! мне как-то хорошо было. И людей тут — я думал о Пушкине.

Однако все уже просыпаются, и мне пора кончать. Я встал в пять часов, чтобы писать к вам. Целый день до весьма поздней ночи я болтал и двигался, а вчера целую ночь проходил. Сон для меня не существует. И несмотря на то я не худею и, кажется, проживу ужасно долго — но не за границей, как вы думаете¹¹. Мне хочется пожить в Риме — это главная цель поездки. Я стану писать кой-что о Рафаэле¹². Ну! все встали, и кругом пошли разговоры и шутки. Я не расположен уже вовсе смеяться сегодня, но, вероятно, увлекусь всеобщим движением. — Прощайте! дайте руку. Скоро я буду на Балтийском море. Если захотите писать вашему покорному слуге в Карлсбад вскоре, то ваше письмо меня найдет; если нет, то ждите, пока я вам скажу, где я и что я. А скоро, может, я настолько выйду у вас из памяти, что вы и не напишете. Время будет уходить, а с ним возрастает лень писать к друзьям. Но я не буду ленив писать к вам — право не буду, — вот увидите, что не буду.

Отчего выговорите, что когда я возвращусь — *v<ou>sserez déjà vieille*^{****}. В полгода или год будто вы состареетесь. Вы даже и в душе не постареете. Право, вы моложе, нежели вы думаете. Вас всё увлекает — и поэтические фантазии, и шум света, вам еще долго жить, и вы будете счастливы. А я — я не желал бы долго жить, хотя и люблю жизнь. Но хочется провести остальные годы, сохранив в себе всё истинно человеческое, т. е. истинно прекрасное. Хочу, чтоб все наслаждения были человеческие и чтоб их было много, много. А вот этого-то и не будет. На дне души есть что-то темное, чего никак не изгонишь.

всё тщетно,
Жажда счастья безответна,
А судьбы угрюмый ход
Глупо движется вперед...¹³

* Позднее звучит, что когда-то звучало. Горе и счастье песнею стало (нем.).

** Сладко мне твоей сестрою, милый рыцарь, быть (перев. Жуковского).

*** одинокий со своими одинокими мыслями (нем.).

**** вы будете уже старой (франц.).

Вот в каком расположении духа я уезжаю. Может быть, вам станет на эту минуту жаль путешественника. Пожелайте ему доброго пути и потом — продолжайте вышивать ваш ковер тихо и мирно, а всё же не забудьте вовсе странника. Он едет *in den Sturm des Meeres und in den Sturm des Lebens hinaus** и вам о себе напомним.

Жму руку вашей сестре. Будьте обе счастливы. Addio. Mes respects aux vôtres**.

Июня 17. Петербург

Это письмо до сих пор не послано. Отчего мне захотелось написать вам еще несколько строк? Да отчего же и не написать, когда хочется. Я здесь веду жизнь тихо и мудро. Живу я у Белинского. Вот мы вечер проболтали очень разумно. А теперь 3-й час. Он спит. А мне не спится. Куда ни обернусь, об чем ни подумаю, от всего так тяжело становится, что глаз не заворишь. Все люди, мне посторонние, так для меня отвратительны, что ни к кому не могу собраться с духом съездить. Люди более близкие мне отрадны, но во мне происходит что-то для них постороннее, по крайней мере не высказанное. Мне суждено большую часть внутренней тревоги заглаживать в себе — и горько, —

Да стыдно жаловаться мне,
А в том, что как-то чудно
Живет в душевной глубине,
Мне высказаться трудно¹⁴.

Ношу в себе и радость и горе, и жить до смерти тяжело. Когда же хорошо будет? Неужто никогда?..

Вам хотелось бы побывать в Париже, пишете вы. Верю. Но желал бы знать, что вас влечет туда. Шум ли света, внешний блеск или глубокая, томительная жажда человеческих ощущений, жажда ответа на внутреннюю музыкальность души? Мучат ли вас вопросы многие или желание широкого наслаждения? Или вы только хотите удовольствий, тупо занимающих и холодно развлекающих? Желал бы знать, что в вас происходит. Но... не могу. Могу только думать, вспоминая о вас, что в вас есть возможность бесконечной внутренней душевной полноты. Однако вы скаже? те, что все эти нелепости можно писать только человеку, страдающему бессонницей и бездельем. Ну! виноват, простите. Я завтра извинюсь и припишу мое *prendre congé**** поблагодарнее.

¹ Граф — муж Елизаветы Васильевны (сестры «Душеньки»), граф Андре Салиас де Турнемир.

² Брат — Александр Васильевич Сухово-Кобылин.

³ О ком идет речь, неизвестно; может быть, о рано умершем Николае Веревкине (1813—1838), друге детства Огарева, выступавшем в литературе под псевдонимом Рахманный. Однако слова о «тихом нраве» находятся в противоречии с той характеристикой, которую дал Веревину Огарев в «Моей исповеди» (см. выше в наст. томе).

⁴ Несколько измененная автоцитата из неопубликованного стихотворения «Прощайте, в сердце это слово...».

⁵ Об отношении юного Огарева к Шиллеру имеется ценное свидетельство в его записи 1856 г., обращенной к Герцену (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 358).

⁶ У Герцена, находившегося в Новгороде, в ссылке, Огарев провел 11 дней, уехав от него в Петербург 10 июня 1842 г.

⁷ Эпиграф к циклу стихотворений Гёте «Lieder».

⁸ Повесть Гёте «Избирательное сродство».

⁹ Драматическая поэма Шиллера в двух частях — «Лагерь Валленштейна» и «Смерть Валленштейна».

* в бурю моря и в бурю жизни (нем.).

** Прощайте, мое почтение вашим (итал. и франц.).

*** прощание (франц.).

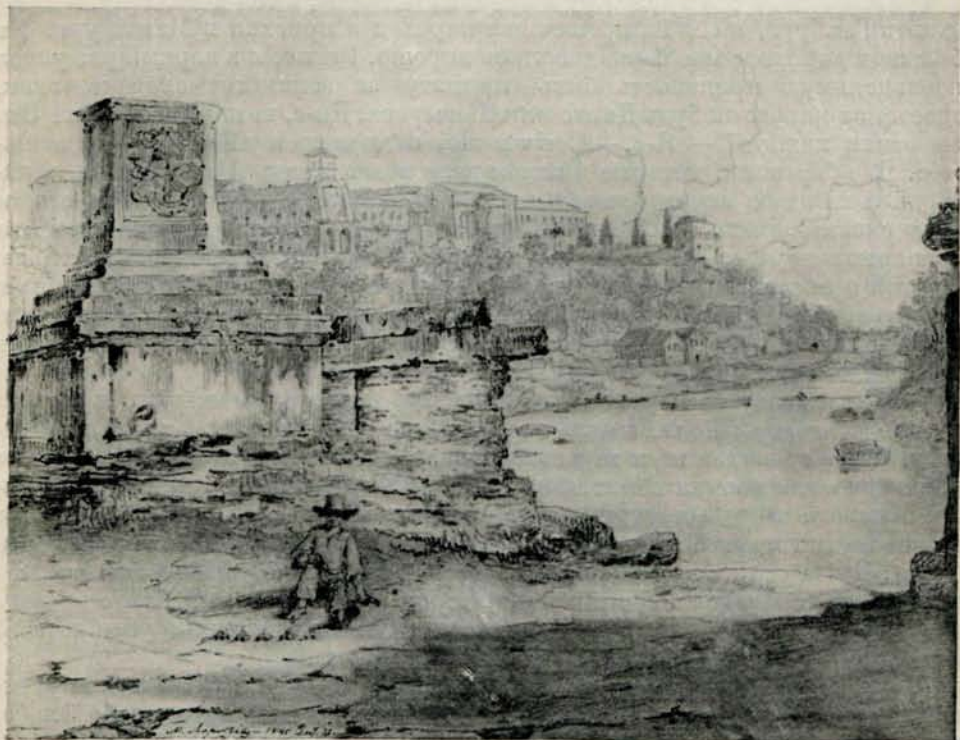
¹⁰ Баллада Шиллера «Рыцарь Тогенбург». Огарев приводит ее первую строку

¹¹ Огарев уехал за границу 20 июня 1842 г., через три дня после написания настоящего письма. Вернулся в Россию весной 1846 г.

¹² После пребывания зимой 1842/43 г. в Риме, уже находясь в Германии, Огарев 29 сентября — 28 октября 1843 г. писал о Рафаэле друзьям (см. «Русская мысль», 1890, кн. 8, стр. 13—14).

¹³ Автоцитата из стихотворения: «Buono giorno! мне опять...» (см. «Стихотворения и поэмы», т. II. Л., 1938, стр. 358—361. В этом издании стихотворение ошибочно датировано 1847—1848 гг.).

¹⁴ Автоцитата из стихотворения «Исповедь» («Мой друг, тебе хотел бы я...»).

У СТЕН СТАРОГО РИМА

Рисунок М. Н. Воробьева, 1846 г.

Третьяковская галерея, Москва

2

Карлсбад. Июля $\frac{22}{10}$ <1842 г.>

Наконец, мой путь кончен, и я дома. *Finie la vie de garçon**. Я ложусь спать рано, чему доказательством служит то, что теперь 2-й час ночи. Встаю рано и провожу утро в разных ученых занятиях, как-то: пью кофе, курю сигару, развертываю книгу и кладу ее в сторону; беру другую, и той одинакая участь. Хочу писать, а упрямая рифма ушла, и куда ушла — прости ей господи — неужели к Амалии Николаевне Олсуфьевой¹, которая живет возле? *Mais c'est impossible. Jamais rime n'a été aussi absurde***. Что же делать? Вот видите что: собрался писать к вам. Что вы? Где вы?

* Кончена жизнь холостяка (франц.).

** Но это невозможно. Никогда еще рифма не была столь нелепой (франц.).

Здоровы ли, веселы ли? Теперь вы со всеми вашими и вам хорошо, по крайней мере лучше, счастливей жить на свете. Вероятно, мое послание, нагрянув к вам в великолепном издании in folio с изображением Гамбурга nach dem Brande*², заставит вас зевнуть при мысли, что всё это со временем надо будет прочесть, и вместе с тем напомнит вам о человеке, которого вы, может быть, уже порядочно забыли. Ведь уже скоро два месяца, как я от вас уехал, а может и больше 2-х месяцев³. Я не помню ни дней, ни чисел. Кажется только, что я ехал ужасно долго. Вот-с я сел на маленький пароход и приехал в Кронштадт, и сел на большой пароход и приехал в Травемюнде, и сел в тележку и приехал в Любек, и сел в коляску и приехал в Гамбург, и сел на крошечный пароход и приехал в Магдебург. На большом пароходе мне было довольно хорошо. Ргимо, я в первый раз узнал неизъяснимую приятность быть приняту за великого человека, эдак, знаете, за какого-нибудь Данте или Шевырева. Да-с, не шутите. — Ах! Это вы стихи пишете? — Я-с. — Ecrivez-moi d'ans mon album**. — Извольте-с. Две барышни, которые в самом деле очень милы, и еще третья, о которой я не имею ничего сказать, и две маменьки, о которых я ничего не хочу сказать, были поклонниками моего удивительного дарования. Одна из первых двух носит чудесные белокурые волосы и прекрасные глаза. Другой я писал в альбом стихи, о которых так же мало могу сказать, как о третьей барышне. Но зато мое имя стоит на одном листе с именем виконта Д'Арленкура. Как приятно так внезапно очутиться в Faubourg St. Germain***.

Видел я грозу на море и закат и восход, и хорошо мне было, я слушал вечные разговоры волн, мысль терялась где-то, через море уходила к берегу, и мне грезился шум деревьев и песни соловья... Dio mio!**** Что за романтическая чепуха валится на бумагу. К вам теперь страшно писать. Вы покажете тому и другому, и кто-нибудь, может быть, пожмет плечами на все шутки и улыбнется над строкою, над которой я несколько не улыбался. Ну! а если вы и сами улыбнетесь? Нет, вы не улыбнетесь, вам будет совестно смеяться над старым приятелем. Не правда ли? Вам мое горе не будет смешно, а на добродушную шутку вы добродушно улыбнетесь? Если б было иначе — мне было бы очень больно.

Пересказываю Гамбург, где я был знаком всё еще с русскими спутниками да еще с портным и сапожником, пересказываю пароход по Эльбе, где было скучно, и Магдебург мимо, и привожу вас в Лейпциг по железной дороге. Возьмите письма русского путешественника⁴ и Reichard, Guide du voyageur***** и узнаете подробно всё нужное о Лейпциге, кроме того, что я здесь встретился и провел день с Одоевским⁵. Потом мы уехали в Дрезден. Опять я был в галерее. Это была самая отрадная минута в путешествии. Долго шлялся я по свету и не знал, что именно мое дело, в каком мире я могу жить; пришло время самоопределений, и я убедился, что могу жить только в мире искусства; я живу только, когда принимаю впечатление художественного произведения или когда пишу. Специальность обозначилась. Но довольно о себе; хочу говорить о Мадонне. Мне удивительно стало ясно, что Рафаэль носил в душе, во всю жизнь свою, идеал Мадонны и Христа. Во всех Мадоннах и Христах нечто общее. Сходство Христа Мадонны della sedia***** и большой Мадонны (в Дрезденс<кой> галер<ее>) разительно. Как он понял этого ребенка, грустного и задум-

* после пожара (нем.).

** Напишите мне в альбом (франц.).

*** в Сен-Жерменском предместье <Парижа> (франц.).

**** Боже мой! (итал.).

***** «Путеводитель» Рейхардта (франц.).

***** в кресле (итал.).

чивого, который предчувствует свою великую будущность. Эти глаза умные, в которых видна какая-то дума, обращены на зрителя, как будто ребенок уже хочет говорить народу о тайнах неба. Лучше нельзя было выразить Христа-ребенка. Отчего этот тип исчез в «Преображенье» — для меня психологическая задача; а не люблю я Христа «Преображенья». Мадонна, очевидно, вырабатывалась в сознании художника постепенно, начиная от Мадонны di Foligno; высшее развитие идеала — Дрезденская мадонна. Мадонна непорочная не знает, что с ней совершилось, но чувствует, что совершилось что-то великое и что ребенок, который у нее на руках, — божественный ребенок. Она не смотрит на него; глаза ее устремлены в даль неопределенно — от того, что сознание ее неопределенно и ей довольно присутствия ребенка; чтобы больше чувствовать всю святость, всю божественность его, ей не нужно глядеть на него. Насколько выше это постижение Мадонны, например, той Мадонны, которая моет Христа в корыте (Дрезд^{ен}ская) галер^{ея}). Я благоговел и наслаждался. Много и еще хорошего: «Ночь» Корреджио, мой любимый «Нептун» Рубенса, «Христос» Тициана и всё, что вы уже знаете. А вот pastelli Рафаэля Менгса; его неподражаемый амур. Над ним головка девушки, читающей письмо⁶. Боже мой! Если бы вы знали, как это лицо похоже на вас. Немного посветлее волосы — и это был бы ваш портрет. Я отправился искать гравюру — и ее не существует. В этот раз я больше чем когда-нибудь проклял тупоумие немцев.

Наконец, я в немецком дилижансе, с немецкими людьми и немецкими шутками доехал до Карлсбада. Отсюда поеду в Эмс, буду гулять по Рейну.

Если вы еще настолько помните мое существование, чтоб писать ко мне, то не очень медля пишите в Эмс *poste restante*. Хорошо или худо, что я ваши слова принял *au pied de la lettre** и пишу вам о всех моих радостях и скорбях — не знаю. Знаю только, что мне весело писать к вам.

Гуляю я в великом божьем мире,
И жадно впечатления ловлю,
И все они волнуют грудь мою,
И струны откликаются на лире.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще темной встрепется,
Или промчится с ропотом волна, —
Мне весело и хорошо поется.

*

Я слушаю, уходят взоры в даль,
И вдруг в душе встает воспоминанье,
И воскресает прежняя печаль,
И поет сердце, полное страданья.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще темной встрепется,
Или промчится с ропотом волна, —
И грустно мне и хорошо поется⁷.

Скажите — вам еще стихи не надоели, в особенности мои? Иногда я боюсь, что все они ужасно однообразны; это доказывает, что у меня в душе однообразно; а это страшно. Впрочем, я пишу драму и поэму⁸. Это уже

* буквально (франц.).

не так однообразно, тут уже есть лица и характеры. Конечно, моя личность проглянет сквозь всего <!>, и мне ужасно досадно, что не могу я отделаться от моей личности. Что в ней? К чему она? Кому она нужна, когда даже и мне нестерпимо надоела? А потеряться в мире фантазии, в создании образов, несколько меня не повторяющих, но существующих в действительной жизни и существующих прекрасно, как бы это было хорошо! Какой верный выход из всего мучительного и какая роскошная раздольная жизнь! Если б вы знали, как всё современное мне близко и как я не могу выдумать ни одной завязки, где бы она ни отразилась, и как всё это томительно — вы бы пожалели обо мне. А всего хуже, что моя особа не менее меня занимает и я чувствую, что никогда не буду в состоянии смотреть на мир сверху, как Гёте, а всюду вплету себя, свою особенную, одностороннюю точку зрения. Это для художника оскорбительно.

Приехав сюда, я говорил с Marie о ваших, и теперь мне ясен смысл вашего последнего письма и вашей печали. И вам суждено знать печаль! Видно, всё хорошее в мире должно страдать. Судьба с ненавистью берет податъ со всего того, чему позволила существовать прекрасно. Неужели же одно спасенье уйти в свой эгоизм и ничему не сочувствовать? Нет, я не хочу такого спасенья. Пусть все сомнения, скорби и все наслаждения и даже всякое блаженство измучат, истомят. Умру рано, но проживу полной человеческой жизнью и умирая погрожу судьбе кулаком, чтобы показать ей мое бессильное презрение.

Кто-то по соседству играет на фортепьяно и поет, и мне так грустно стало, что я готов бы кричать или плакать. Но, к сожалению, имею достаточное презрение даже к собственной грусти, что не могу плакать, а кричать нельзя, раз — m-me Péliscan, наша хозяйка, а другое — полиция. Вследствие чего я пишу молча. Перечитываю мое письмо и вижу в нем странную бессвязицу; не знаю, почему я, вообще маловерящий, верю настолько вашей дружбе, что не могу думать, чтоб вы смеялись над моим посланием или позволили бы кому-нибудь смеяться.

В сентябре я буду в Ницце, потом в Неаполе и, наконец, в Риме. Вы думаете, что забуду поклониться Savonardgi — ошибаетесь. Тотчас отыщу его. Но до тех пор я буду иметь от вас известие. По крайней мере, надеюсь. Теперь прощайте. Дайте руку. Как мне хочется знать, что вы делаете, и как бы хотелось вас видеть, но я путешествую. Addio. Mon amitié à votre sœur. Mes respects à papa et maman. Je me rappelle au souvenir de Mr. Henry et j'espère que Mr. Alexandre me conserve son amitié d'autrefois. Farewell, but not for ever, if you please*.

Marie¹⁰ vous dit à tous ses amitiés; je l'ai trouvée beaucoup mieux portante**.

На обороте: Russie. Moscou

Mademoiselle Kobiline.

В Москве

Ее высокоблагородию

Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной

На Кисловке, в доме графа Сухтелена.

Почтовый штампель: 22 Juli.

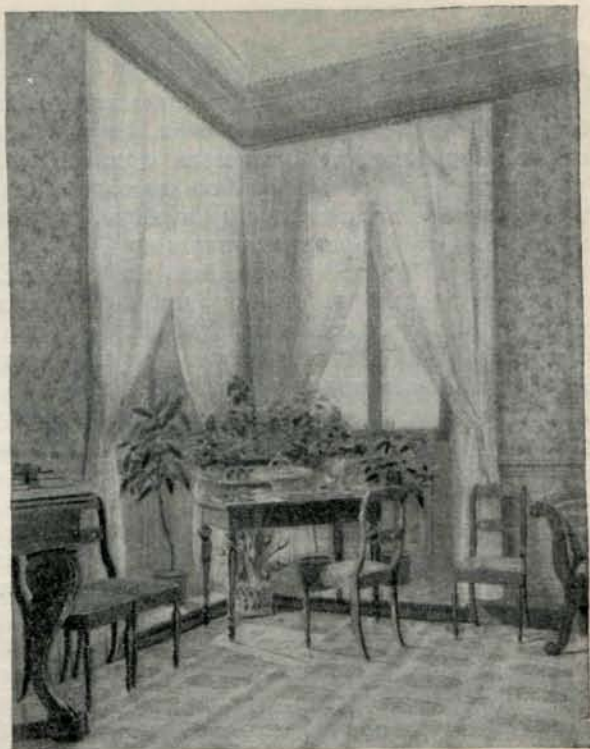
* Прощайте (итал.). Дружеский привет вашей сестре. Мое почтение отцу и матери. Напомните обо мне г. Анри, и я надеюсь, что Александр сохранил ко мне прежнюю дружбу (франц.). Прощайте, но не навсегда, прошу вас (англ. — парафраза начальных строк стихотворения Байрона «Fare thee well»).

** Мария вам всем шлет дружеские приветы. Я застал ее в значительно лучшем состоянии (франц.).

КОМНАТА

Евд. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ
В РИМЕ

Акварель Ф. А. Клагеса

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

¹ Ироническую характеристику Дмитрия и Амалии *Олсуфьевых* — общих московских знакомых — см. в письме Огарева к М. Л. Огаревой от начала января 1842 г. (М. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 452).

² На первой странице почтового листа имеется литография, изображающая Гамбург после пожара. Под рисунком приведенное Огаревым название: «Nach dem Brande».

³ Огарев виделся с Евд. В. Сухово-Кобылиной в Воскресенском, под Москвой, в мае 1842 г.

⁴ В «Письмах русского путешественника» Карамзина Лейпцигу посвящено письмо, помеченное «июля 16-го».

⁵ Речь идет о кн. Владимире Федоровиче Одоевском.

⁶ Ср. письмо Огарева к друзьям, в том числе к Герцену, от 1—3 августа 1842 г. («Русская мысль», 1899, № 11, стр. 10—16), в котором тоже дана подробная характеристика Дрезденской мадонны и других прославленных мадонн Рафаэля (1483—1520). Мадонна di Foligno написана в 1512 г., находится в галерее Ватикана в Риме; Мадонна della sedia (в кресле), написанная около того же времени, находится в галерее Питти во Флоренции. Соображения Огарева относительно постепенного развития образа мадонны на картинах Рафаэля едва ли основательны, так как наиболее вероятной датой создания Сикстинской (Дрезденской) мадонны является 1513 год, т. е. картина примыкает по времени создания к перечисленным выше. Картина «Преображение Христа», упоминаемая Огаревым, — последняя большая работа Рафаэля, действительно написанная холодно и сухо. Мадонна с корытом (del'Catino) принадлежит ученику Рафаэля, Джулио Романо (ок. 1492—1546). Вазари указывает, что она написана в позднейший период жизни художника, в Мантуе для герцога Федерико Гонзага. Картина Корреджио (ок. 1488—1534) «Ночь» («Рождество Христово») написана в двадцатых годах XVI в. Картина «Нептун» не принадлежит кисти великого фламандского художника Рубенса (1577—1640). Она написана учениками по его эскизу в 1635 г. Картина великого венецианского художника эпохи Возрождения Тициана (1477—1576) «Кесарев диварий», которую имеет в виду Огарев, написана около 1520 г. Антон-Рафаэль Менс (1728—1779) — немецкий живописец.

⁷ Неизвестное в печати стихотворение Огарева.

⁸ Ни драма, ни поэма этого времени нам неизвестны.

⁹ Привет сестре — Елизавете Васильевне. Упоминаемый здесь *Mr Henry* — ее муж, граф Анри (Андрэ) Салиас де Турнемир; *Александр* — ее брат, драматург А. В. Сухово-Кобылин.

¹⁰ *Marie* — жена Огарева, Мария Львовна.

Берлин. $\frac{1-\text{го июня}}{20-\text{го мая}}$ 1844.

Вы, верно, не ждете от меня письма из Берлина. Я и сам никак не думал быть в Берлине; оно бы, кажется, и незачем и скучно. Но судьба захотела иначе. Судьба притащила меня сюда с больным другом, которому хотят резать жилы на ногах, самого не совсем здорового ни телом, ни духом и в особенности страждущего карманом. Сколько времени я проживу здесь — не знаю. Это зависит от операции Сат<ина>¹. Желал бы вернуться к августу домой, но не знаю можно ли будет. Если вы спросите, откуда я — то я могу достоверно сказать, что я из Италии, и не только из Италии, но даже из Корсики, и не только из Корсики, но даже из знаменитого города Франкфурта-на-Майне, насчет скуки достойного соперника Берлина. Почему мне всего скучней в Немечине — это вопрос весьма затруднительный. Кажется, и народ здесь ученый и рассудительный, и книг много, и улицы чисты, и театр порядочный, и с утра меня будит шарманка, которая за потерю одного зубца на валике всегда пропускает одну ноту в басу, — а скучно! В Италии мне лучше. К тому же в этот раз я был в Италии весной, когда всё начинало цвести и зеленеть, и я сам поневоле забылся в какой-то чудесной жизни, в которой живешь, как во сне, и от которой я было давно отвык. А прежде моей поездки в Италию я был в другой стороне, в большом, шумном, живом городе, где всё меня привлекало, увлекало, хотя не так задушевно, как в Италии². Там я ни разу не брал пера в руки, но жил и был доволен, а здесь я опять принялся работать. Неужто потому, что здесь скучно, холодно и как-то мертво? Неужто во избежание скуки? Не думаю или не хочу сознаться. Мне больно думать, что я работаю от скуки, а не из внутренней теплой потребности. Да мало ли что бывает больно! И стареться бывает больно, и признаться не хочется, что душа вянет постепенно. Да я и не признаюсь в этом. Кажется еще столько живых сил в душе, которым не суждено растратиться даром.

Да что ж я так разболтался. Вам, может быть, до смерти не хочется и скучно разбирать буквы, выделанные не с великим каллиграфическим искусством. И добавок глупо говорить так много о себе. Лучше стану говорить с вами о вас. Да как же это сделать? Я так давно ничего об вас не знаю; даже не знаю, где вы. Вероятно в Воскрес<енском>, где я вас оставил тому назад два года с лишком. Как это много, два года! В два года, кажется, столько можно надеть путного. Но, к несчастью, я не могу путешествовать с *фруктом* (avec fruit*). Жизнь проходит довольно пусто. Дай бог, чтоб она для вас была полной и отраднее, чтоб вы не только веселились, но в самом деле были счастливы.

Чуть было не забыл сказать вам о весьма важной вещи. Попросите (хотя Христа-ради) вашего папеньку и тетюшку прислать мне сколько-нибудь денег из следующих мне процентов³ (если *все*, то это меня несказанно обрадует), потому что мне скоро нечем будет существовать, вследствие того, что я немного неосторожно тратил (вероятно, по молодости лет). Но это неосторожное траченье затрудняет меня в ожидании доходов с моих владений, потому что я не знаю, что и как. Вообразите себе: если вдруг в одно прекрасное или, лучше, туманное утро явится какой-нибудь сапожник и скажет: «А пожалуйста 3 талера за сапоги». А я ему скажу: «Warten Sie, mein Bester»**, — ведь это будет очень прискорбно. Из этого вы смело можете заключить, что вышеписанное «*чуть было не забыл*» сказано фигурально и что я о помянутой вещи никак не мог забыть, потому что эта вещь *важная*.

* плодотворно (франц.).

** подождите, любезный (нем.).

Это письмо вас застанет в начале русского лета, которое, вероятно, теплее берлинского. Мне ужасно жаль, что провожу лето не дома, а здесь, особенно в хорошие дни, такой берет Heimweh*, что это даже глупо. Засим — прощайте! Не поминайте лихом. Mes respects à votre papa et à votre maman**. Жму дружески руку Александру, если он еще помнит о моем существовании.

Адрес мой: Berlin. Behrenstrasse, № 28.

Прощайте! Веселитесь! Я слышал, что вы очень много веселились прошлую зиму. Но теперь, вероятно, живете в деревне и найдете минуту написать мне несколько слов.

*Приписка к Е. В. Салиас де Турнемир:*⁴

Je vous écris, madame la comtesse, quoique vous ne daigniez plus m'écrire. Quoique nous soyons paresseux tous les deux, mais voici une preuve que ma paresse est moins forte que mon amitié pour vous. Or, ma paresse est souverainement forte: jugez donc de mon amitié! Mais sans plaisanteries, vraiment cela me fait beaucoup de peine de ne pas savoir depuis 7 mois ce que vous devenez et j'attendrai de vos nouvelles avec la plus vive impatience. Je comptais vous revoir à l'heure qu'il est. Mais les circonstances en décident autrement, et je ne sais si je puis être à Moscou avant trois mois. Ma femme, que j'ai laissée en Italie en bonne santé pour aller prendre soin d'un ami malade, va rentrer en Russie plus tôt, je crois, à moins que je ne suis libre de l'accompagner à temps, dont je doute fort quoique je le veuil le bien. Vous savez qu'on ne fait pas toujours ce qu'on veut. Mais enfin dans trois mois j'espère vous présenter mes hommages en personne et je voudrais bien que vous soyez aussi contente de me revoir que je le serai de vous revoir, ce dont je doute aussi. Le doute — voyez — c'est une maladie bien douloureuse, mais incurable. Quoiqu'il en soit, par un égoïsme tout particulier j'aime tout autant, si ce n'est plus, avoir de l'attachement pour les personnes que d'en recevoir. Mes propres sentiments me rendent content et s'en est assez pour moi. Mais pourtant je ne crois pas avoir démerité en quoi que ce soit à vos yeux et je compte sur un peu d'amitié qui me fera beaucoup de plaisir. Un peu de bienveillance de la part de quelques individus et une petite place au soleil dans la nature, — voilà tout ce que je demande à la vie, pour avoir quelques instants heureux. J'espère que mes prétentions ne sont pas trop grandes. Dites-moi ce que vous avez fait depuis tant de mois; que fait votre petite Marie? Elle doit être bien gentille. Maintenant adieu — je vais expédier cette missive. Rappelez-moi au souvenir de votre mari et soyez heureuse.

J'ai l'honneur d'être...

Перевод:

Я вам пишу, графиня, хотя вы не достаиваете меня больше письмами. Хотя мы оба ленивы, но вот доказательство, что моя дружба к вам сильнее моей лени. А моя лень безмерно сильна: судите же о моей дружбе! Но шутки в сторону, право меня очень огорчает, что уже 7 месяцев я не знаю, что с вами, и я буду ждать вестей от вас с живейшим нетерпением. Я рассчитывал увидеть вас уже теперь. Но обстоятельства решили иначе, и я не знаю, смогу ли быть в Москве ранее чем через три месяца. Моя жена, которую я в добром здравье оставил в Италии, чтобы самому отправиться ухаживать за больным другом, вернется, я думаю, в Россию раньше, если только я не освобожусь во-время, чтобы ее сопровождать, в чем я сильно сомневаюсь, хотя мне этого и очень бы хотелось. Но вы знаете, что не всегда делаешь то, что хочется. Тем не менее через три месяца я надеюсь лично засвидетельствовать вам свое почтение, и я очень желал бы, чтобы вы были так же рады увидиться со мной, как я увидиться

* тоска по родине (нем.).

** Засвидетельствуйте мое почтение вашему отцу и вашей матери (франц.).

с вами, в чем я также сомневаюсь. Сомнение, видите ли, — болезнь очень мучительная, но неизлечимая. Как бы то ни было, из эгоизма совершенно особого рода, я столь же, если не больше, люблю испытывать привязанность к людям, чем пользоваться ею с их стороны. Мои собственные чувства меня удовлетворяют, и этого с меня достаточно. Впрочем, не думаю, что я чем-нибудь провинился в ваших глазах, и я рассчитываю на немного дружбы, которая доставит мне много радости. Немного доброты желательства со стороны некоторых лиц и маленькое место под солнцем где-нибудь на лоне природы — вот все, что мне нужно от жизни, для того, чтобы испытать несколько счастливых мгновений. Я надеюсь, что мои требования не чрезмерны. Скажите мне, что вы поделявали в течение стольких месяцев; что поделяет ваша маленькая Мари? Она, должно быть, очень мила. А теперь — прощайте, надо отправить это послание. Передайте поклон вашему мужу и будьте счастливы.

Имею честь быть...

¹ Николай Михайлович Сатин (1814—1873) страдал тяжелой формой ревматизма; болезнь особенно усилилась, когда Сатина в 1834 г., resting, поместили в нетопленное помещение. После этого более десятилетия болезнь периодически лишала его возможности передвигаться. Огарев относился к Сатину с братской дружбой и несколько раз по многу месяцев ухаживал за больным.

² О путешествиях Огарева по Италии, Германии, Франции см. в наст. томе в примечаниях к публикации стихов из цикла «Buch der Liebe».

³ Деньги, данные Огаревым взаймы Сухово-Кобылиным, упоминаются также в позднейшей переписке Огарева с Е. В. Салиас, публикуемой в наст. томе.

⁴ Другие письма Огарева к Е. В. Салиас периода сороковых годов нам неизвестны.

4

Берлин. 14/2 октября <1844 г.>

Вчера я получил ваше письмо и вексель. Много благодарю вас за поспешность, и если это вас расстроило хотя на один день, то мне очень жаль. Ваше письмо застаёт меня в тяжелую минуту. Четыре дни тому назад жена родила мертвого ребенка, но сама она здорова. Вы можете себе представить, какое впечатление это произвело на нее и на меня. Говорить об этом, право, не хочется. Всё, что я знаю, это то, что я имею довольно силы, чтоб никогда не пасть перед властью судьбы, а взглянуть на нее с презрением да и идти дальше своей дорогой. Ненгу¹ сегодня уехал из Берлина. Вчера он просидел у нас вечер. Он здоров. Я недавно узнал всё, что у вас было, и понимаю, сколько тревог вы пережили. Но, не получая от вас так давно ни строчки, я думал, что вам некогда и не хочется писать и что, не выдавшись года три, люди обыкновенно уже не находят что сказать друг другу. От этого я против обыкновения не обратился к вам как к моей покровительнице, а писал прямо к вашему отцу. Но, признаюсь, я очень обрадовался вашему посланию. Мне было бы жаль если б вы меня совсем забыли. Dunque* от души благодарю вас за письмо.

Долго я еще не увижу вас. Отчего?.. не знаю. Не могу решиться вернуться нынешней зимой. А хочется домой, ужасно хочется. Здесь мне столько и стольких недостает, что часто впадаю в непроходимую тоску. Но я постарел. Жизнь больше определилась. Уже не могу существовать ins Blaue hinaus**. Я остаюсь на зиму в Берлине и — учусь. Не могу отстать от некоторой нити des Denkens*** и жертвую знанию душевной потребностью видеть близких людей. Да и что-то страшно мне возвращаться теперь. Мне кажется, что

Cari luoghi, io vi trovai,
Ma quel di non trovo più!****.

* Итак (итал.).

** в неопределенности (нем., «в голубой дали»).

*** мышления (нем.).

**** места дороги, где я находился, но где меня более нет! (итал.) (ср. XVI, 433).

И для этого или против этого тяжелого чувства надо внутренне окрепнуть. Вот я и остаюсь, избрав себе на долю *Beschäftigung, die nie ermattet**.

Извините, что этот листок не совсем чист; но на нем вид моей милой Флоренции. Это был мой любимый листок.

Итак, вы теперь скучаете в Воскресенском.

... В эту пору

Деревня докучает взору

Однообразной наготой².

Что ж? Скорей в Москву! Из однообразия деревни в пустоту московской жизни. Скажите... вам еще не надоела пустота? Бывает ли вам, по крайней мере, очень весело? Может, привычка заставляет или позволяет находить веселье. Да и дай бог чтоб вам было весело, а что-то сомнительно.

Отчего ж графиня³ не удостоила меня ни полстрочкой? Попросите ее в другой раз написать хотя: «je v(ou)s salue»**.

Если вам в деревне скучно и найдете минуту написать ко мне — то напишите. Это будет с вашей стороны доброе дело. Я скоро останусь совершенно один. И мой выздоравливающий Сатин уедет. Я буду между книг и между людей, которые больше похожи на книги, чем на людей. Не раз будет хотеться вздохнуть повольнее. Письма будут мне действительным утешением. А развлечение мое — добрый конь, который меня ежедневно носит по плоским окрестностям Берлина. Вот и всё. Театр отвратительный; я туда и не заглядываю. — Что касается до науки — то вы также знаете, что *das Denken**** идет путем тяжелых сомнений, и каждый результат надо выстрадать. — Вот вам моя жизнь. Надеюсь, что ваша утешительней и что если вы вздумаете вспомнить обо мне и написать в *Behrenstrasse, 28*, то мне будет отрадно прочесть ваше послание. Впрочем, если б вам было и не весело, все же мне было бы отрадно читать ваши письма.

Насчет денег, если ваш отец вышлет их мне, то делает мне великую услугу; я могу выслать в получении расписку, засвидетельствованную посольством, если это нужно.

Засим прощайте! Я очень был бы рад сказать «здравствуйте!» — но пока прощайте. Будьте здоровы, спокойны, веселы etc... всё, что есть лучшего на свете, пусть придет на вашу долю.

*Ma femme vous remercie p(ou)r votre souvenir ainsi que vos soeurs. Elle reste couchée encore, mais elle se porte parfaitement bien, quoiqu'elle pleure****.* А я уж никогда не плачу.

Прощайте.

Не смею больше писать, чтоб не наскучить вам.

На обороте: Russland. Moscou.

Mademoiselle Suchowo-Kobiline.

В Москву

Ее высокоблагородию

Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной

На Кисловке, в доме графа Сухтелена.

Почтовый штампель: Berlin 13/10.

¹ *Henry* — Андрэ Салиас де Турнемир, муж Елизаветы Васильевны, с которым она незадолго перед тем разошлась.

² Неточная цитата из «Евгения Онегина».

³ *Графиня* — Е. В. Салиас де Турнемир.

* занятие, которое никогда не утомляет (нем.).

** плю вам привет (франц.).

*** мышление

**** Моя жена благодарит вас за память, так же как и ваших сестер. Она еще не встает с постели, но вполне здорова, хотя и плачет (франц.).

Берлин. $\frac{8 \text{ генв}(\text{аря}) 1845}{26 \text{ <1> денабр}(\text{я}) 1844}$

Вчера получил ваше письмо. Сажусь писать к вам не потому, чтоб это было un moment de loisir*, а потому, что я не считаю не делом писать к вам. Берлин и наука не сделали из меня абстрактное существо; живые отношения к людям, которых я люблю, мне дороги и святы, и потому переписка для меня дело важное. Это вместо предисловия. Теперь давайте болтать о том, что в голову придет. Primo — merci за письмо! Я думал, что вы уже так заленились или закружились, что не найдете времени для добровольного изгнанника. А как мне захотелось в Москву, если б вы знали! Так бы вот сел да и поехал. Но не могу. Меня обдаёт каким-то фантастическим страхом, когда я думаю, что я вернусь в Москву, — и я напеваю :

Cari luoghi, io vi trovai,
Ma quel di non trovo più!

Должно быть я стар стал и в прошлом для меня больше чудес, чем в будущем. Многое я ненавижу в прошедшем, но этого не вычеркнешь, и того, что хорошо было, не вернешь. Впереди мало ждётся. Боюсь, чтоб лучшее, что во мне есть, не разрушилось. Вот я и медлю — и сижу в Берлине. Потом работа удерживает. Не верьте Бульверу¹. Наука не сушит и не убивает души. Мысль не уединяет от людей. Мысль даёт живые симпатии и доброжелательство, готовое на пожертвования для людей. Презрение, которое она даёт, не презрение к людям, не насмешка над тем, что действительно свято и полно любви; это только презрение к ложному, нечеловеческому, эгоистическому. Мысль требует жертвы — конечно! Она требует разрыва с мечтой и ложью, хотя бы этот разрыв стоил жизни. Вы прогоняете мысль, когда она удручает вас. Вы ее боитесь. Попробуйте не бояться, и вы увидите, какая сильная и широкая жизнь откроется перед вами. Даже самая скорбь покажется вам чем-то великим. Если сомнение — путь ума к истине, то скорбь — путь сердца, и кто не знал этой скорби, тому истина всегда будет чужая. Я не боюсь скорби и дорожу ею. Вы спрашиваете: отчего она?.. Что сказать вам на это? что назвать? какой факт? Но факт ничего не значит. Он значит настолько, насколько мы даем ему своей души. «Les choses sont ce que nous en repons»**, говорит Гамлет. И с чего же радоваться в этом мире, в кото(ро)м мы живем? Если смотреть на него без презрения и равнодушия, а с глубокой человеческой любовью, то не иметь скорби — не честно. Прибавьте к этим страданиям за грехи мира свои личные потребности!.. Стремление фантазии, жажда блаженства! Как задуть их? Они мучат, и с каждым днем бываешь принужден более и тяжелее от них отказываться. Шутить жизнью?.. Нет! уже я не могу этого.

Ich bin zu alt, um nur zu spielen,
Zu jung, um ohne Wunsch zu sein! ***

Не называйте это пустыми страданиями. Что же важно, если мысль и чувство не важны? Ограничиться ежедневными происшествиями?.. Но что ж в них утешительного?

«Penser... c'est se trouver seul au monde!»**** Нет! это неправда. Это одиночество только кажется. Penser—значит носить целый мир в душе и

* минутой досуга (франц.).

** «Вещи — это то, что мы о них думаем» (франц.).

*** Я слишком стар, чтоб знать одни забавы,

И слишком юн, чтоб вовсе не желать.

(Гете, «Фауст», 1-я часть, 4-я сцена. Перев. Б. Пастернака).

**** Мыслить... значит оказаться одиноким в мире (франц.).

жить его бесконечной жизнью. Если б даже и люди оставили — то с мыслью я меньше один, чем они, которые видятся друг с другом и не слышат как друг у друга бьется сердце. Но и это неправда. Мысль везде находит симпатию, лишь бы она была живая, действительная мысль, а не только пустая дума над самим собой и над тем, что жизнь нас обманула. Жизнь не обманывает. Мы ее не понимаем и обманываемся. Обман — мститель за то, что мы оскорбляем истинную жизнь.

Aber flüchtet aus der Sinne Schranken
In die Freiheit der Gedanken,
Und die Furchterscheinung ist entflohn,
Und der ew'ge Abgrund wird sich füllen;
Nehmt die Gottheit auf in euren Willen,
Und sie steigt von ihrem Götterthron.
Des Gesetzes strenge Fessel bindet
Nur den Sklavensinn, der es verschmäht;
Mit des Menschen Widerstand verschwindet
Auch des Gottes Majestät.

(Schiller. Das Ideal und das Leben) *

Теперь я не боюсь уединения, в котором живу. Оно нужно для внутренней переработки. Я явлюсь к вам если не веселее, то спокойнее, по крайней мере, сильнее и откровеннее сам с собой; если не счастливей, то с большим уважением к жизни.

Au reste**, я также хохочу du bout des lèvres***; часто даже легкомыслен, как ребенок, и рад принимать участие в каждой глупости.

Но зачем же вы начинаете смеяться только du bout des lèvres? Зачем скучаете внутренне? К чему вам печали? Если б я мог принять на себя ваши печали, я взял бы их с радостью, лишь бы вам было хорошо и тепло на божьем свете. Вы не ошибетесь, если вспомните обо мне в минуту горя и радости; во мне они, без сомнения, найдут живой отголосок. Благодарю за доверенность. Впрочем, за что ж благодарить? если б вы иначе обо мне думали — мне было бы обидно, да вы и не можете иначе обо мне думать. Но зачем же и вы не досказываете и рвете письма, которые ко мне пишете? Напр<имер>, что вас встревожило по приезде в Москву? Хотели сказать и не сказали. Знаете — когда находишься далеко, как хочется знать даже все ежедневные происшествия и иметь перед глазами жизнь далеких, но близких людей; а между тем эта жизнь является в каком-то тумане; напрасно хочешь что-нибудь разглядеть в ней, а все-таки смотришь. В другой раз не рвите писем — пишите, что в вас происходит на ту минуту. Также не бойтесь, говоря со мной, враждовать с тем, что управляет нашей судьбой. С тех пор, как я разрушил для себя на этот счет все представления или привидения, я, может быть, сказал бы многое, что примиряет с жизнью и дает силу. Но dio santo!**** как же не поду-

* Но над тесной мыслью пламенея,
Пусть обвинит вас идея —
И грозный призрак отошел,
И сомкнулась пропасть роковая;
К божеству стремитесь, призывая,

И оно покинет свой престол.
Лишь для тех, кто покорен от века
Зов закона тягостен и строг.
Коль умолкнул ропот человека —
Потерял величие бог.

(Шиллер. Идеал и жизнь. Перев. А. Кочеткова).

** Впрочем (франц.).

*** нехотя (франц.).

**** боже мой! (итал.).

мать, что надоедаешь вам? Берлин так и веет педантизмом и диссертацией и наводит зевоту. Как же не бояться привести вас к этому неприятному чувству, когда беспрестанно хочется закрывать глаза и раскрывать рот?

Вы ездите в оперу. Я слышал Salvi² в «Лючии»³ прошлую зиму. Он очень хорош и тем более, что вы давно не слыхали хорошего певца. Не дают ли у вас «Пуритан»⁴? Вспомните обо мне, когда их будут давать. Я был как во сне, когда их слушал, и плакал так, как редко в жизни плачется. Тогда пела Clara Novello⁵. Она удивительно хорошо ходит; я ужасно люблю смотреть, как она ходит. Она вышла замуж. *C'est ainsi que passe la gloire du monde!**. Здесь, говорят, чудесная певица m-elle Lind⁶; я был болен, когда она пела в «Норме», а с тех пор «Норму» не дают.

Лучшее мое знакомство в городе Берлине — m-me d'Arnim, т. е. знаменитая Беттина. Чудесная, благородная женщина. Я уже тем доволен, что она существует на свете⁷.

Вы говорили обо мне с Lise Bibikoff⁸! Позвольте не называть ее кн<ягиней> Оболенской. Я не могу ее себе иначе представить, как Lise Bibikoff. Зачем брать чужие имена? *Tout l'individu disparaît sous un autre nom*** ; бедная Лиза! Она была очень добрая девушка. Кланяйтесь ей от меня тысячу раз. Я очень жалел, услышавши о ее несчастьи. Что тут делать! Против власти случая и природы можно треснуть головой — ничего не переменяешь. *Il faut subir****. Самое отвратительное слово, в котором выражается самая отвратительная зависимость. И вы еще потеряли близкого человека! Кажется, я его знал. Он был молод. И вам жалко, что горе забывается? Видите ли, как вы, не давая себе отчета, высоко пените скорбь. Ничего нет труднее, как забывать. Душе хочется, чтоб то, что она любит, было так же бесконечно, как ее любовь. А природа берет свое. Заменяющие прежних лиц новыми и всё новыми, этот бесконечный ряд меняющихся человеческих образов рождает в душе бесконечную пустоту и скуку. Одно воспоминание заставляет уходить глубоко в свою душу и спасает. Я решил ничего не забывать, — иного для того, чтоб не переставать любить, другого для того, чтоб всегда помнить, чтоб надо смело отбросить из жизни.

Я сегодня что-то чересчур рефлектирую. *Soyez patiente! Zürnen sie nicht dieser Laune — Sie sind ja immer so gut*****. — Я говорю и пишу разом на трех языках, чтоб не искать слов.

Жена моя в Париже и сегодня должна ехать оттуда в Италию, где единственно она чувствует себя здоровою. Mr. Henry она не видала в Париже. Мне невозможно было за ней следовать; я как-то сам был не совсем здоров, а Италия меня всегда расстроивает, несмотря на мою любовь к Италии. Полезен Север для меня. Потеря ребенка, которая меня сильно оскорбила, без сомнения, для жены моей нелегко может забыться. Едва ли Париж рассеял ее...

Я здесь живу смирно. Со мной Сатин, который ходит на всей ноге, но плохо. Сбирается в Париж. Я же ни с места до весны. Весной Сатин хочет ехать на Кавказ⁹. Тогда и я с ним; в таком пути я его не оставлю. Это мы выдумали на днях. На Кавказ — да и только! Он видит в этом выздоровление (может быть!). Я — для себя ничего не вижу. Разве взгляну на степь и горы. Что, если б вы летом очутились на Кавказе?.. Вздор какой!

* Вот так и проходит мирская слава! (франц.).

** Весь человек исчезает под другим именем (франц.).

*** Надо терпеть (франц.).

**** Будьте терпеливы! (франц.). Не сердитесь на такое расположение духа — вы ведь всегда так добры (нем.).

J'aurais fait les honneurs de la maison*. Я эту сторону знаю и имею к ней пристрастие. Сколько ни живу в Европе, все же чувствую себя aus einem wilden Geschlechte**. Подчас так хочется проскакать по степи на тройке!.. Или на коне!..

Верховая езда и здесь для меня развлечение. Иных здесь и нет. Театры плохи. В свет я по обычаю не езжу. И вы скучаете в свете? Признайтесь, что нет ничего столько натянутого, холодно-учтливо и гордого собственной пустотой как то, что называют светом, и куда все ездят скучать, очень важно уверяя, что веселятся. Я совершенно отказываюсь от лицемерия и не хочу быть там, где мне скучно, видаться с кем не хочется и терять жизнь в пустых учтивостях.

Скажите вашей сестре, что я хотел было рассердиться за то, <что> она меня <за>бывает***, но подумал и только прошу qu'elle me tende la <main>****; когда вздумаете, напишите и не рвите писем, точно как будто ва<м> надо сперва начерно написать, а потом перебеливать (казенное вы<ражение>). Пишите, чем скорее, тем лучше. Но... когда вздумаете.

Meine Empfehlungen zu Hause. Leben sie wohl! Ganz der Ihrige*****.

Квартира моя теперь Universitätsstrasse, № 3.

Опять распечатываю письмо, чтоб поздравить вас с Новым годом и пожелать вам счастья, какого-нибудь чуда, если хотите, которое бы вас несказанно обрадовало.

Я чуть было не забыл про Новый год и не пожелал себе счастья. Не верю чудесам и новому. Знаю, что я сам в себе ношу свое счастье и несчастье и силу отстоять себя от случайной неудачи.

Но для вас мне не хочется <!> не верить в возможность неожиданных радостей и чего-нибудь счастливого, и потому я вам желаю счастья, alles das Beste, die schönsten Tage im Leben*****.

Распечатывая, я поджег немного пакет. Не взыщите — знаете мою природную неловкость.

На обороте:

Russland. Moscou.

Mademoiselle Souchow-Kobiline.

В Москву

Ее высокоблагородию

Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной

На Кисловке, в доме гр. Сухтелена.

Почтовый штемпель: Berlin 10/1.

¹ *Бувьер* — Бувьер-Литтон, Эдуард-Джордж (1803—1873), английский романист, критик и политический деятель.

² *Лоренцо Сальви* (1810—1887) — итальянский оперный певец (тенор), гастролировавший зимой 1844/45 г. в Москве.

³ *«Лючия де Ламермур»* — опера Доницетти.

⁴ *«Пуритане»* — опера Беллини.

⁵ О *Кларе Новелло* см. выше в наст. томе.

⁶ *Женни Линд* (1820—1887) — известная шведская певица.

⁷ *Беттина* — литературное имя Элизабет фон Арним (1785—1859), известной немецкой писательницы. В позднейших письмах к друзьям (1845) Огарев отзывался о ней гораздо холоднее.

⁸ *Lise Bibikoff* (по мужу Оболенская) — московская знакомая Огаревых. Несчастье, о котором пишет Огарев, — смерть ее мужа, Д. Н. Оболенского (в 1844 г.).

⁹ Н. М. Сатин в середине февраля 1845 г. уехал в Париж. Вернулся он в Россию одновременно с Огаревым в марте 1846 г. Поездка их на Кавказ не состоялась.

* Я бы вас радушно принял (франц.).

** из дикого племени (нем.).

*** Это место письма и ниже повреждено, читается предположительно.

**** чтобы она протянула мне руку (франц.).

***** Мое почтение вашим домашним. Будьте здоровы. Весь ваш (нем.).

***** всего лучшего, прекраснейших дней в жизни (нем.).